

Роман Круглов
Птичья партитура

Книга сорок шестая

Москва, 2022

УДК 821.161.1-1 Круглов
ББК 84(2Рос=Рус)6
К

Роман Круглов. Птичья партитура

Книга стихотворений. — Москва: издательство «СТИХИ», 2022. — 56 с., ил. — Серия «Сингл» (The Single). Книга сорок шестая. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».

ISBN

Роман Геннадьевич Круглов — поэт, кандидат искусствоведения, секретарь Союза писателей России. В книгу «Птичья партитура» вошли избранные стихотворения 2011–2021 гг.

В оформлении использован фрагмент ширмы работы Перонима Босха «Сад земных наслаждений».

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛВЕРАРТ»
.....
Делаем преимущества очевидными

© Птичья партитура, текст, 2022
© Издательство «СТИХИ», 2022
© Кира Османова, составление, 2022
© Арсений Ли, дизайн серии, 2020
© Дизайн-бюро «Революверарт», 2022

Увертюра перелётных

СТИХИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

* * *

Солнечная полянка
Жуткая, как приманка.
Птичьим трещаньем жарко
Звонко натоплен лес.
Чья-то большая сила
Смотрит в упор в затылок,
И стрекоза застыла
В пристальном хрустале.

Смолкла хитро́ сорока,
Навострена осока,
Сладко и плотно соткан
Солнечный сон земли...
Кто за спиной? Осины.
Знаю, что я один и
Собственной паутины
Пленник и властелин.

Из изумрудной чаши,
Как из последней чаши,
Ужас быть настоящим
Мне заглянул в глаза.

Птицы и ветви в выси,
Снизу грибы и слизи,
Всюду пространство жизни
И неизвестность — за.

Конь

На дарёном коне
 Обскакав дураков,
 Понимаешь вполне,
 Как ещё далеко
 До глубокого слова,
 До поступка большого,
 До всего, за что стоит стареть...
 И вдруг стала ненужной
 Простая победа,
 Но твой конь — из конюшни
 Царя Диомеда,
 Ему в зубы не стоит смотреть.
 А другие с мечтами
 Своими расстались,
 Со своими конями
 Хромыми срастались.
 Сами стали питаться травой,
 Нулевой мировой муравой.
 А тебе был дарован
 Особенный конь,
 Он солидно подкован
 Во всём, что ни тронь.
 Под копытами мечутся
 горние молнии!..

Но твой конь человеческим
 голосом молвил:

«Нет копыт, нет подков, ты бежишь босиком
 И при этом прищёлкиваешь языком.
 На губах твоих пена, и глядя в простор,
 Ты бежишь, пальцы в рёбра вонзив вместо шпор!
 В голове твоей ветер
 Свистит всё сильнее!
 Не бывает на свете
 Особых коней.

Я придуман тобой, я лишь тень от коня...
 Только ты ведь никто без меня».

* * *

И платье новое хотеть,
И Достоевского читать —
Добавь какую хочешь треть,
Ты всё способна сочетать!

Невозмутимо и легко
С ладони кормишь мой восторг
Между цветком и мотыльком
Игра, похожая на торг.

Я — только воздух и огонь,
А ты вмещаешь жизнь и смерть.
На наш комический агон
Мне самому смешно смотреть —

Трепещущее торжество
И животворная пыльца,
А крылья только для того,
Чтоб ими нежности бряцать.

Но эта древняя игра
Скрывает от счастливых глаз,
Что, может, вовсе не светла
Та сила, что живёт сквозь нас.

* * *

В полутьме из-за занавеса простыней
Руки — медленный нежный прилив на спине,
Шевелящий песчинки мурашек. И мне
Не до недозакрытой двери, не до не...

А потом, разучившись дышать и без ног,
Мы две долгих секунды глядели в поток
Коломбин и чертей, Магдалин и шутов
В коридоре; на фоне висящих пальто
Плыл бескровный Пьеро и кровавый Макбет,
И звучал в голове то ли плач, то ли бред,
Замыкающий шествие сонный сосед
Наступил, не заметив, на шёлковый плац.

* * *

Смотрел в глаза и думал— потону.
 (Без страха думал, хоть и шёл ко дну,
 Я знал — мне шёлком будут эти воды.)
 Я потонул уже, и потому
 Я сам — уже не я, а часть природы.

Уехала, и я теперь, как дом:
 От свай и до лепного ангелочка —
 Холодная пустая оболочка
 Утопленника, что жил раньше в нём.

Насвистывает песенку свою
 На горлышке моей пивной бутылки
 Тот ветер, из которого в затылке
 Я собственную песенку совою.

И голуби едят из рук моих
 Снежинки вперемешку с грязным тестом
 Близ дома, где мне холодно и тесно
 (Хотя в нём было место для двоих).

* * *

Куны твоих чёрно-бурых бровей,
 Острые мордочки чутких грудей...
 Снись мне, преследуй. Губами
 В памяти рдей,
 Багровой.

Глаз твоих рыбки гурами —
 Снов моих белиберда:
 Там каждой твари, как новый Адам,
 Нежное имя я дам.

В яви живи и во сне
 Таись.
 Твари танцуют во мне
 Твои.
 Звери твои,
 Пальцы твои,
 Мысли и птицы твои.

* * *

Готово: ты освобождён.
Хлебни за то, что ты разрушил;
Пусть слякоть проникает в душу
Воздушно-капельным путём.

Дрожит штандартом на ветру
Твой смех — безликий, обалделый.
Свободный путь — что хочешь делай —
Лежит перед тобой, как труп.

Лакейски-вежливо притих,
Ручонки вытерев о китель,
Твой ангел-падальщик-хранитель
И ожидает чаевых.

Бред

Почему не приходит сестра?
Нет, не эта, а та, что вчера...

По ночам обезумевший Шнитке
Распускает мне нервы по нитке,
А проснусь — тишина загудит.
Почему так воняет в груди,
Канарейка повесилась в клетке?
Дайте, доктор, от крика таблетки.
Нет, не эти. Ну дайте хоть спирт.
Кто-то белый навис надо мной:
«Как там наше сердечко, шалит?
Пустяки. Не дышите, больной».

* * *

В глупые виски
Намертво зажат,
Огонёк тоски
Смотрит на закат.

Там, где горизонт,
Глубже, ярче дня,
Трещина растёт,
Огонёк маня.

Он глядит в разлом,
В общий вечный свет,
Он бы рад... но — нет,
Не исчезнуть в нём.

* * *

Спасти тебя может чудо,
Но чуда не происходит.
Хоть чудо тебе не чуждо,
И вера в твоей природе.

Ты знаешь: всегда есть выход,
Но всё же его не ищешь,
Поскольку всегда есть выбор,
Искать или не искать.

Точка

I

Разошедшееся солнце
раздувает пламя почек,
колокольня покачнётся —
тень из купола прольётся,
потечёт к моим ногам.
Жизнь знакома, словно почерк,
но читаю по слогам.

Из сухой культи пробился
маленький фонтан цветочков;
плачу — либо пыль от лины,
либо просто ветер, либо
мне пора домой вернуться,
наконец поставить точку.
Просто я опять влюбился...
ну и бросили меня.

II

Жизнь летальна и локальна.
Свет мучителен и тонок,
в гробе шкафа моль летает,
в отражении зеркальном
по полу ползёт ребенок,
кошка молоко лакает.

У меня исчезли веки —
слишком ясно, слишком точно:
всё, что было, всё, что будет, —
бесконечно, словно точка.
И не выплакать вовеки,
и ни с кем не разделить.

* * *

Иногда бывает так легко дышать
(А не то что думать или говорить) —
Голова восходит, как воздушный шар,
Яркий, бесполезный, с гелием внутри.

Без плечей — бесстыдно, будто нагишом,
Катится по небу в солнечном бреду.
От проблем ушёл и от себя ушёл,
От тебя, Лиса, и подавно уйду.

* * *

Разбирая ворох чужих проблем
(Ведь проблемы, в принципе, не моё),
Я хочу заделать мир, как проём,
Я хочу в себя прийти — насовсем.

У истока вен, истощён тоской —
Что увижу, если вдруг добреду?
Навсегда знакомый, пустынный, мой
Двор картонно-каменный городской
В лужах и в черёмуховом бреду.

И совсем не грустно мне от того,
Что в реальности нет его.

* * *

Когда мы были вместе
(Очень недолго),
Ты не поверила счастью — помешала гордыня.

И теперь
Ты не слышишь меня,
Как атеист не слышит Бога,
Хотя я есть,
и я люблю тебя.

Но я не Бог, и я тебя не прощаю.

* * *

Осторожен, сдержан, жесток к себе,
Отдаю всё больше делам и людям,
Потому что знаю: в моей судьбе
Чего я хочу, всё равно не будет.

Ни минуты с прошлым наедине.
Кто приносит пользу, тот не калека.
И всё больше — жалость к другим во мне,
Но всё меньше, меньше — от человека.

* * *

Чтоб не в отчаянье лихом,
Без любования грехом,
Без жалости к себе —

Как я раскаяться смогу?
(Я и сейчас, возможно, лгу
В словесной ворожбе).

Подверженный законам тлена,
Я не могу ходить сквозь стены,
Могу лишь биться головой,

От боли огрызаясь всеу...
Я на стене окно рисую,
Однажды я уйду в него.

* * *

Плевать, кто я тебе, кто мне ты —
Не думай лишнего, мой друг.
Одушевлённые предметы
Способны разделить досуг,

Постель, вино, простые чувства,
Бесмысленный и тусклый смех...
Во мне ведь совершенно пусто,
А значит, место есть для всех.

* * *

Лучше быть, чем не быть. Просыпаюсь на бис.
Пустота скалит зубы сквозь щели кулис.

Я творю — и неважно, что будет потом.
Занимаюсь осмысленным делом,
Очень нужным, вселяющим веру трудом —
Как гимнастика перед расстрелом.

* * *

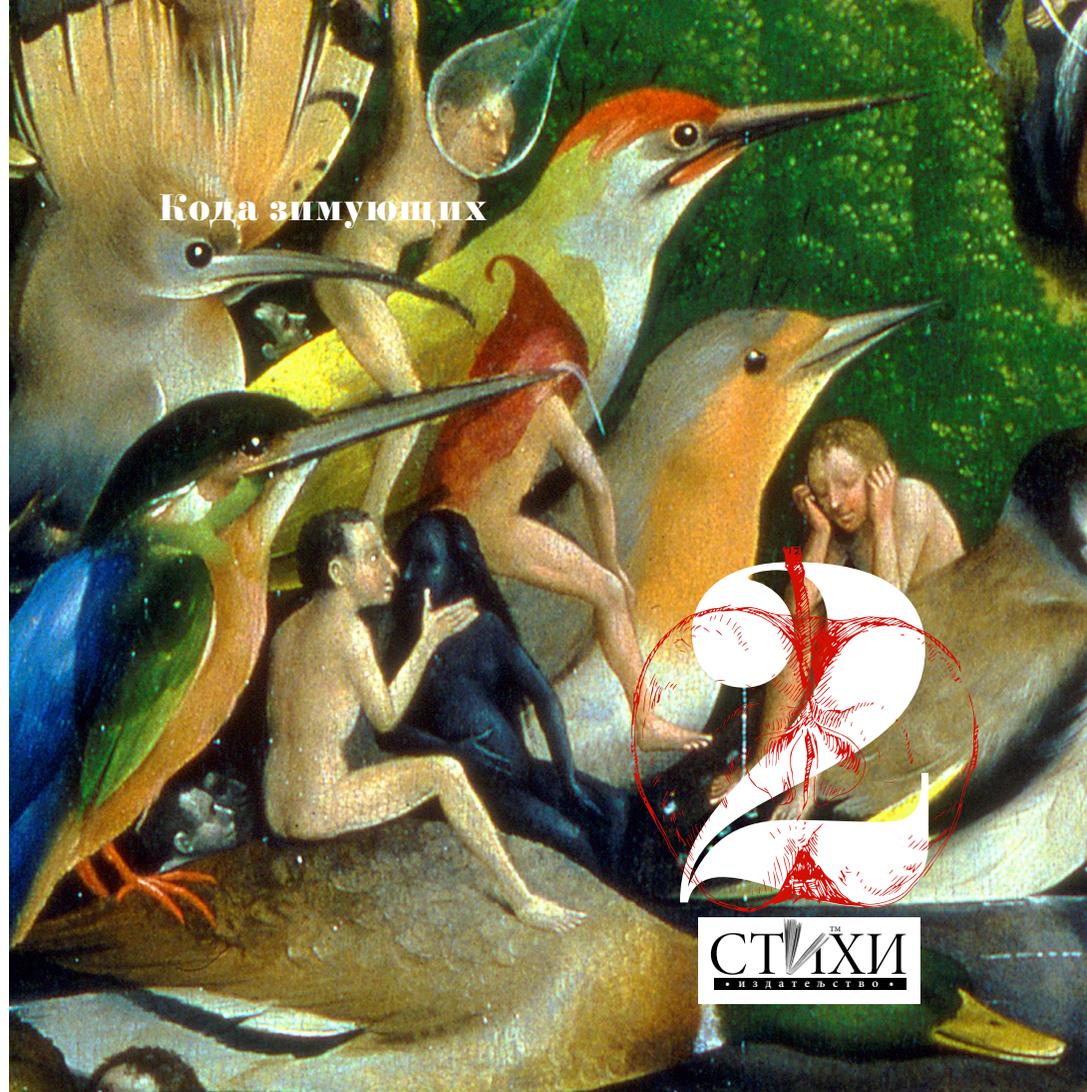
Просёлок, обнесённый тополями.
Привычно сквернословит вороньё.
Навстречу речка жалкая виляет.
Улиткой проползает самолёт
Над жухлыми весенними полями...
Что горе отсыревшее твоё?
Всё это о защите умоляет
И мужество внезапное даёт.

* * *

Простились сады со славой
Кленовой своей звезды,
И над куполами лавры
Сбиваются в клин кресты.

Подранок в груди курлычет.
Куда нам лететь с тобой?
Сырая земля привычней.
Останемся. Примем бой.

Ко́да зимующих

СТИХИ
Издательство

* * *

Я был птицей, распахнутой настежь
 Над страницами милой земли,
 И не знал, что всего не охватишь —
 Всё казалось мне мелким вдали.

Я был змеем в проклятой канаве,
 Подышал с перебитым хребтом,
 И от боли был полностью вправе
 Быть несчастным и жить в прожитом.

Но и света, и тьмы было мало —
 Превращаясь, чего-то ища,
 Будто разную плоть обретала
 В каждом возрасте новом душа.

Я не верю в индийские враки:
 Если б карма на свете была,
 То меня до паршивой собаки
 Навсегда низвели бы дела.

Только то ли легко, то ли тяжко,
 А душа всё растёт через быт.
 Под каким теперь кровом бродяжка?
 Кто из зеркала нынче глядит?

* * *

Я сердце скормлю голубям
 И стану деталью пейзажа,
 Всем корпусом полым любя
 Небесную влажную тяжесть,

Хорал заходящего дня,
 Неву с оловянным отливом —
 Простите, родные, меня
 За наглость бывать несчастливым.

Обиды отцвёл пустоцвет,
 И жизнь мне, как ноты, знакома —
 Звучит духовой инструмент,
 Дрожит тонкостенная форма.

Ещё репетирую, ведь
 Звучанье не выправить разом.
 Не сердце мешало звенеть —
 Фальшивил горящийся разум.

* * *

Небо сверху, а здесь — стол, книжица,
Табуретка.
Мне как слышится, так и пишется —
Глухо, редко.

Небеса говорят о себе тому,
Кто получше,
Потому я в своей глубине тону —
В грязной луже.

А во мне всё черно и вычурно,
То есть ложно...
Только небо из лужи вычерпать
Невозможно.

* * *

Свет в окнах, пьяный у ворот,
Скамейка, тополей обрубки.
Мир уязвимый, очень хрупкий,
Легко меня переживёт.

Ведь я расту корнями вверх
В нелепом поиске опоры,
Нетленной, подлинной, которой
Нельзя достигнуть, — верь
не верь.

* * *

Простые эти чудеса —
Узорчатые небеса,
Листва сквозная,
Тень елей, теньканье синиц,
На хвойных щёточках ресниц
Слеза лесная —

Ни сохранить, ни повторить.
Любые вычуря творить
Умеем сами:
Петь розой, соловьём цвести...
Но всё же хочется свети
Концы с концами —

Поймать живое вещество,
В стихах запечатлеть его —
Оно смеётся,
Уже почти даётся, да!
И остаётся, как звезда
На дне колодца.

* * *

Строит воздушные замки паук,
В них и живёт.
Сам из себя, точно доктор наук,
Что-то плетёт.

Ель наряжает. Транжир, сибарит
И казначей,
Он то на нитке висит, то царит
В центре лучей,

Но не летает — он только паук,
Зодчий седин.
Я ведь такой же. Мой маленький друг,
Ты не один.

* * *

Жемчужный и жасминный
День бликами богат,
Как ожерелье, длинный —
Снести б его в ломбард

Проить бесповоротно
Со встречным кем-нибудь
В ближайшей подворотне
И глазом не моргнуть!

Охота жить и плакать.
Душа меня несёт,
Как шалая собака —
Кидается на всё.

Ей нынче не до тела,
Весь мир ей — точно мяч.
В какое можно дело
Такую дуру впрячь?

В безоблачном просторе —
Чего искать уму?
Огромное, простое —
Не нужно никому.

* * *

Глядя вниз, на двор, стоял минуту,
Прибллокотаясь на парапет.
Кто-то смотрит на меня как будто.
Может, кошка? Оглянулся — нет.

В тот момент навязчиво казалось,
Что я образ в чьей-то голове,
Точно чья-то мысль меня касалась,
Недоптица, перечеловек.

Я уже лечу на дно колодца —
Странное смешное существо.
Тот, кому я снюсь, сейчас проснётся,
А потом не вспомнит ничего.

* * *

Мыкая счастье земное и сам стал земной,
Но в небеса отправляю тоски позывной
Так же, как в детстве, и так же не верю тайком
В то, что насущная явь происходит со мной.

Вот уже сын мой серьёзно, как маленький принц,
Спрашивает, кто под вечер зажжёт фонари.
Про провода отвечаю земным языком.
Сын что-то подозревает, но не говорит.

Мы так похожи, а всё же разъединены —
Правду свою говорить, что рассказывать сны.
Спрячу слезу, глядя в небо, что сыплет снежком.
Синее небо, звенящее от позывных.

Сын

В воздух подбрасываю и ловлю.
Смех его, смешанный с солнечным светом,
Напоминает, что я становлюсь
Первой ступенью для старта ракеты —

Главное он пролетит без меня.
Будет ему не темно и не пусто,
Также ему предстоит не понять
Беды мои, и любовь, и искусство.

Он мне хохочет в лицо — я смеюсь
Тоже и, тяжести не замечая,
Юность свою я подбрасываю —
Старость и смерть я ловлю и качаю.

* * *

Крестоносцы были в детстве,
В юности — Толстой.
Целый мир тебе в наследство.
Властвуй, Бог с тобой.

Но транжиришь на пустое
Даровую жизнь,
И веселье напускное
Голову кружит.

Правда — как на дальней полке
Дедова медаль:
Светит в темноте без толку
Дорогой металл.

Покругил в руках, мальчишка,
Спрятал — пусть лежит.
А в свою не веришь — слишком
Страшно заслужить.

* * *

Радио проверяют,
Капает метроном.
Память скользит по краю
В городе ледяном,

Свет накренился серый,
Не удержаться — вот
Падаем в сорок первый
Непоправимый год —

Люди умолкли сразу.
Медленный ритм, отбой.
Это проверка связи
Нашей между собой.

* * *

Между ракетками раки
Застыло теннисное солнце,
В стувившемся закатном соке
Оно летит — оно висит.

Спор спит, и выдохлась война,
И время двигаться не хочет,
И только лишь звезда стрекочет —
Зажата в кулаке она.

Незыблемое полотно
Закатная соткала сила, —
Как будто правда победила
(Как в вечности быть и должно)

И разлила над головой
Багряный сок преображенья...
Но продолжается сраженье,
И неизвестно, кто кого.

* * *

Звуки всё тише мои —
Еле слышны соловьи
В недостижимом саду
В позапрожитом году.

Всё, что возможно, уже
Сбылось в моём мираже.
Нежность забуду и злость —
Больно уж больно жилось.

Спит за зелёной стеной
Сад мой запущенный, но

Сквозь лебеду и репы —
Звуки всё чище мои.

* * *

Отчего же птицы
 больше не поют?
Что могло случиться?
 — птицы гнёзда вьют.

Исправляют ныне
 разные дела,
Мучают свои не-
 праздные крыла.

Пение — от страсти
 и неполноты,
От тоски по счастью
 и слепой мечты.

Звуки — только способ
 обрести судьбу...
Обретут, а после
 тащат на горбу.

Не будя домашних,
 выйдешь в сад один.
Для страстей кипящих —
 никаких причин,

И тоска теперь не
 властна над тобой,
Не диктует пенье.
 Ты свободен —
 пой.

* * *

Живя в событий и бесед
Неимоверной мешанине,
Приписывать её себе —
Самодовольство мещанина.

Поди присвой шоль, закат...
Но и тоска, и воспаренье
Мечты — всё слезет, как загар,
Излечится, как воспаление.

И ты пройдёшь, как сон дурной,
Зверюги и зануды помесь,
Попутно становясь собой,
Каким теперь себя не помнишь.

* * *

Ничего невозможно закончить —
Ни прибраться, ни стих дописать.
Позвонил человек незнакомый,
Закатилось перо под кровать.

Кот над свежеразбитым эспрессо
Изумленно глядит мне в глаза,
Потому что всё только в процессе,
Прогнозировать точно нельзя.

Петербург не достроен: узбеки
Сыплют гравий вдоль новой стены —
Продолжается дело Кваренги
И становится чем-то иным.

Бесконечные чашечки бьются,
Города не имеют лица,
Ведь из жизни возможно проснуться,
Но нельзя досмотреть до конца.

Через год, к этим строкам вернувшись,
Не узнаю повадок своих —
Не дописаны «Мёртвые души»,
Так чего говорить о живых?

* * *

Черёмуха цветёт пресветлыми кистями,
Созвездия росы в соцветиях висят
(Неважно, что плоды — чернявые костянки:
Плоть, вяжущая рот, а в сердцевинах — яд).

Благоуханный миг, склонившаяся ветка —
Как пасха — каждый год, уже который век
Тревожно и светло, как тайна человека,
Вся суть которой в том, что он не человек.

* * *

Помнишь, мы с тобою шли на озеро,
В день рожденья лягушачьих орд?
Вся дорога прыгала, елозила
Россыями ювелирных морд.

Медленно, под ноги глядя с трепетом,
Обходя несчастных лягушат,
Пропустили радугу над берегом
И двояковыпуклый закат.

Вязкой грязью осторожно хлопая,
Лес не увидали по пути.
Мы шадили крохотное, хрупкое.
Мы хотели правильно пройти.

* * *

— Я плеск волны. Я есть на самом деле.
Предрешены в моём мгновенном теле
Все брызги, и мельчайший пузырёк,
И то, как я пошевелю песок.

— Я трубчатый тростник. Зелёной жакдой
Мой корпус полон; в пустоте, во тьме
Звучит немолчно мысль обо мне
И воплощается в колене каждом.

— Я человек. Кругом тростник и волны —
Нет, очевидно, смысла на земле...
Хоть скоро смоет и песок холодный —
Снимаю обувь, оставляю след.

* * *

Запахи тины колышутся в ветерке.
Бабочки высохших мидий летят в песке.

Выпуклые антрацитовые крыла
Бежевая пыльца времени замела.

Долго ли им, позабытым, порхать в пластах?
Завтра прилив всё начнет с чистого листа.

Память — особенность Бога, а не людей —
Кто ещё вспомнит следы мои на воде?

* * *

Жаль, что я вижу ложь и лесть,
Не верю фальши.
Застыть бы хоть таким, как есть,
Но чтобы дальше

Не прозревать, не созреть,
Теряя гордость,
Как многолетняя трава,
Под снегом сторбясь.

Остановиться, не расти —
Покой и воля!
Не увидеть весны и птиц,
Стыда и боли.

* * *

Стол, тень от капель на стекле,
Букета зябнувший скелет.
Белёсый день и талый свет
К закату ближе — ровный, жёлтый.
Ты понимаешь всё живей
Серьёзность маленьких вещей,
Таких как ракушка и жёлудь.

Как память бывших встреч, легки
Святы эти пустяки.
И вот однажды вопреки
И логике твоей, и воле,
Хоть мир вокруг жесток и груб,
Из жёлудя родится дуб,
Из ракушки возникнет море.

* * *

Есть на свете ветер и соловьи,
В небе лунный пятак —
Если Бог уже не пошлёт любви,
Я согласен и так.

Я давно пылью её опалён —
Тлеет боль в седине.
Я насквозь огнём её опылен —
Пламя зреет во мне.

Если не пошлёт, значит, я готов
Уже просто за так
Согревать и ветер, и соловьёв,
И холодный пятак.

Звёзды

Стволов сосновых охряные нити
Между закатом и водой озёрной
Натянуты, по ним звенит огонь,
Они дрожат, стекая в отраженье.
Молчи, кузнечик!..

Нет, милый, пой. До головокруженья
Гляжу в небес открытую ладонь,
В которой к ночи прорастают зёрна.
Стары, как мир. Но чем же заменить их?
Ничем. И ничем.

* * *

Привить бы к вене веточку сирени,
Чтоб зацвела,
Тогда бы я забыл про дождь осенний
И про дела.

Тогда бы не на юг летели птицы,
А на меня
(Я б лишний раз не шевелил десницей,
Чтоб не стонать).

А чтоб цветам всегда хватало крови
Из ветки вен,
Обильно зашивал бы саперави
Гематоген.

Не в институте, а в оранжерее
Моя стезя —
Куст-доброволец с соловьём на шее...
Жаль, что нельзя.

Роман Геннадьевич Круглов
«Птичья партитура»

16+

**Серия «Сингл» (The Single). Книга сорок шестая.
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».**

stihi.store

revolverart.ru

📍 izdatelstvo_stihi

Арт-директор, автор макета: Арсений Ли

Главный редактор: Алла Поспелова

Редактор-составитель: Кира Османова

Директор фестивальных программ: Кристина Валюкевичоте

Концепт-директор: Андрей Пермяков

Автор концепции и названия: Роман Рубанов

Вёрстка: Роман Шишкин

Корректор: Кира Османова

Логистика: Георгий Цедилкин

Бумага офсетная

Гарнитура Trivia

Тираж 250 экз.

Издательство «СТиХИ», Москва

141705, Россия, Мытищинский р-н,

с. Виноградово, пер. Ручейный, 17А

тел.: +7 (926) 221 1816

почта: lee@revolverart.ru